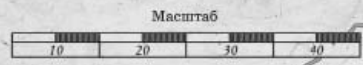

Оглавление

Пролог.....	13
1. Ученик.....	32
2. Подмастерье.....	93
3. Мастер.....	160
4. Мудрец.....	228
5. Целитель.....	297
Эпилог.....	357
Благодарности.....	375
Примечания.....	380
Предметно-именной указатель.....	422

Имперский город Нюрнберг

Ок. 1600 г.

Масштаб

р. Пегниц

Платформа
для утопления

Церковь
Святого Себастьяна

Водная
башня
(тюрма)

Дом
палача

Городская
ратуша

Главная
площадь

Тюрма
для
должников

Обере/Вердигтрассе 10

Место
жительства
Франца Шмидта

Место
выхода на пенсию

Церковь
Св. Лоренца

Тюрма

Лягушачья
башня
(тюрма)

Башня
Лугинланд
(тюрма)

Место
обезглавливания

Бронов камень
и-виселица

Семейный участок
Шмидтов на кладбище
Св. Рока

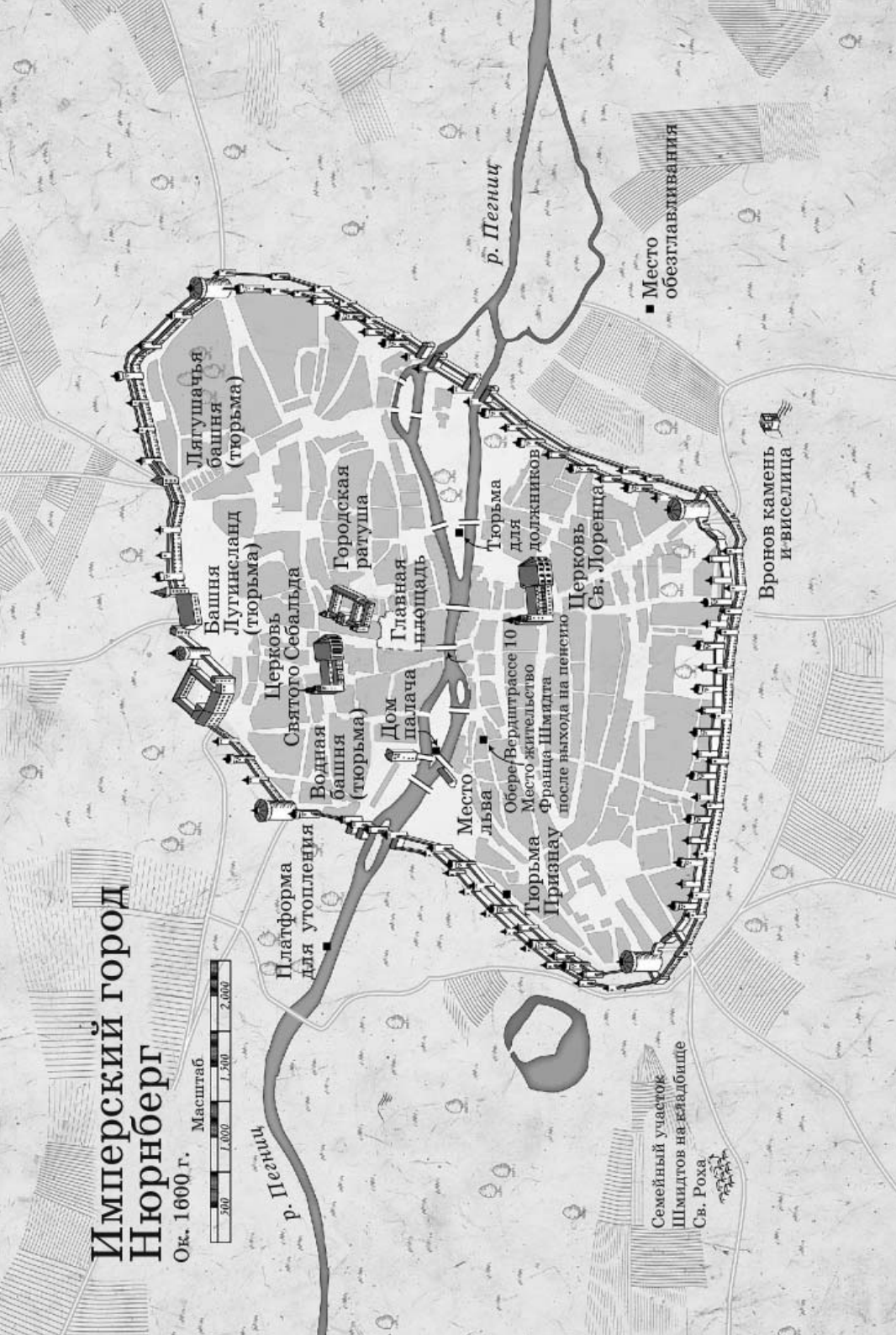
р. Пегниц

Место
обезглавливания

Бронов камень
и-виселица

Семейный участок
Шмидтов на кладбище
Св. Рока

Место
обезглавливания

Пролог

Каждый успешный человек достоин уважения.

Юлий Краутц, берлинский палач (1889 г.)¹

Солнце едва взошло над горизонтом, когда горожане уже начали собираться прохладным утром четверга 13 ноября 1617 года. Имперский город Нюрнберг, известный на всю Европу как цитадель закона и порядка, готовился к очередной публичной казни, и зрители из разных слоев общества спешили занять хорошие места до начала действия. Торговцы уже выставили свои лотки с нюрнбергскими колбасками, квашеной капустой и соленой сельдью, расположившись вдоль всего маршрута шествия на казнь, от ратуши до виселицы прямо за городскими воротами. В толпе звенели бутылками разносчики вина и пива, среди которых были и совсем дети. Примерно к десяти утра собралось несколько тысяч горожан, и дюжине или около того городских стражников, известных в народе как стрелки, уже с трудом удавалось поддерживать порядок. Пьяная молодежь толкалась и горячилась, распевая непристойные куплеты. Острый запах мочи и рвоты смешивался с ароматом жареных сосисок и каштанов.

Слухи о приговоренном преступнике, которого все называли «бедным грешником», разлетались в толпе моментально. Его имя Георг Карл Ламбрехт, 30 лет, уроженец деревни Майнбернхайм во Франконии. Хотя много лет он учился у мельника и даже успел поработать им,

в последнее время бедолага занимался куда менее престижным делом — торговал вином вразнос. Все знали, что его приговорили к смерти за подделку большой партии золотых и серебряных монет вместе с братом и другими негодьями, которым удалось удачно скрыться. Но куда более интриговало зрителей то, что преступник был сведущ в магии, что он развелся с первой женой из-за измен и «таскался по округе» с ведьмой по кличке Железная Плутовка, имевшей дурную славу. Многие свидетели показали, что однажды Ламбрехт подбросил в воздух черную курицу и прокричал: «Узри же, диавол, вот твое лакомство, а мне отдай мое!», чем наслал смертельное проклятие на одного из своих врагов. Поговаривали, что его покойная мать тоже была ведьмой, а отца много лет назад казнили за воровство, и это наглядно подтверждали слова тюремного капеллана про яблочко, упавшее недалеко от яблони.

Незадолго до полудня начали торжественно звонить колокола расположенной неподалеку церкви Св. Зебальда, к которым тут же присоединились колокола церкви Девы Марии на рыночной площади, а следом и церкви Св. Лаврентия на другой стороне реки Пегниц. Через несколько минут из боковой двери величественной городской ратуши вывели «бедного грешника» — его лодыжки были скованы, а запястья связаны крепкой веревкой. Иоганн Хагендорн, один из двух священников уголовного суда, позднее записал в своем дневнике, что в этот момент Ламбрехт повернулся к нему и с жаром стал молить об отпущении своих бесчисленных грехов. Он также предпринял последнюю бесплодную попытку испросить замены полагавшегося фальшивомонетчику сожжения заживо на обезглавливание мечом, смерть более быструю и почетную. Его просьбу отклонили, и на прилегающую рыночную

площадь Ламбрехта препроводил старый городской палач Франц Шмидт. Оттуда процессия городских сановников неспешно двинулась к месту казни в миле от площади. Торжественный кортеж возглавлял «кровавый судья» в красно-черном убранстве и верхом. За ним шли своим ходом приговоренный с двумя капелланами и палач. Как и всех представителей этого ремесла, горожане называли его почтительно — Майстер Франц. Следом двинулись одетые в черное представители городского совета Нюрнберга, отпрыски богатейших семейств города, а также главы местных ремесленных гильдий — в знак того, что казнь воистину есть дело всех граждан. По мере того как шествие протискивалось сквозь толпу, рыдающий Ламбрехт благословлял всех, кого узнавал, прося у них прощения. Выйдя за грозные стены города через южные ворота Фрауэнтор, процессия достигла своей цели — одиноко стоящего возвышения, прозванного людьми Вороновым Камнем из-за птиц, слетавшихся пировать на тела, оставленные гнить после казней. «Бедный грешник» вместе со своим палачом преодолел каменные ступени и обернулся, чтобы обратиться к толпе, но взгляд его невольно задержался на стоящей по соседству виселице. В последний раз он исповедался перед согражданами, взмолился о Божественном прощении, затем упал на колени и стал читать молитву Господню, пока капеллан бормотал ему в ухо слова утешения.

Когда священник закончил, Майстер Франц усадил Ламбрехта на «трон правосудия» и повесил ему на шею тонкий шелковый шнур, чтобы можно было незаметно задушить приговоренного до того, как тот будет сожжен — последний акт милосердия от палача. Потом он крепко обвязал подсудимого цепью вокруг груди, повесил ему

на шею мешочек с порохом а между руками и ногами Ламбрехта поместил венки, покрытые смолой. Все для того, чтобы тело сгорело быстрее. Пока Майстер Франц раскладывал несколько бушелей соломы вокруг своей жертвы, фиксируя их кольшками, капеллан продолжал молиться вместе с «бедным грешником». Затем палач бросил факел у ног Ламбрехта, но прямо перед этим его помощник тайком затянул шнур вокруг шеи осужденного, предположительно задушив его. Однако, когда огонь добрался до «трона», стало ясно, что ничего не вышло, и жуткий крик огласил окрестности: «Господи, в руки Твои я вверяю душу мою!» Когда огонь разгорелся, из пламени донесся последний вопль: «Господи Иисусе, прими мою душу!», после чего все поглотил треск огня, а воздух наполнил запах горелой плоти. Позже в тот же день капеллан Хагендорн, укрепившись в сочувствии к казненному после его благочестивого раскаяния в конце земного пути, признался своему дневнику: «Я не сомневаюсь, что он пережил эту страшную и презренную смерть ради жизни вечной, уже став ее дитя и наследником»².

Один изгой уходит из этой жизни, другой остается, сметая обугленные кости и пепел своей жертвы. Профессиональных убийц, таких как Франц Шмидт, издавна боятся, презирают и даже жалеют, но мало кто считает их настоящими личностями, способными — или достойными — быть интересными для потомков. Однако о чем думает этот 63-летний палач-ветеран, когда чистит камень, где еще недавно последние стоны осужденного, полные отчаяния и благочестия, пронзали густой дым? Разумеется, нет никаких сомнений в виновности Ламбрехта, которую тот сам помог установить в ходе двух долгих допросов, а также подтвержденной показаниями нескольких

свидетелей, не говоря уже о фальшивках и других непровержимых уликах, найденных в его жилище. Может быть, Майстер Франц размышляет и сожалеет о неудачном удушении, которое стало причиной такой неприятной сцены? Задело ли это его профессиональную гордость, сказалось ли на его репутации? Или он просто стал бесчувственным, полвека занимаясь делом, которое любой другой счел бы омерзительным?»³

Обычно такие вопросы способны вызвать лишь умозрительные предположения, игру в догадки без шансов найти ответ. Но в случае с Майстером Францем Шмидтом из Нюрнберга у нас есть редкое и явное преимущество. Как и его коллега-капеллан, Майстер Франц вел личный журнал казней и других уголовных наказаний, которые он проводил на протяжении своей исключительно долгой карьеры. Этот поразительный документ охватывает 45 лет, начиная с первой казни, совершенной Шмидтом в возрасте 19 лет в 1573 году и заканчивая его уходом на пенсию в 1618 году. Как оказалось, жуткое убийство кающегося фальшивомонетчика станет его последней казнью, кульминацией всей карьеры, в ходе которой, по его собственным подсчетам, он лично лишил жизни 394 человека и высек, или изуродовал, еще сотни.

Так что же происходило в голове Майстера Франца? Удивительно, но, хотя его дневник хорошо известен историкам Германии раннего Нового времени (ок. 1500–1800 гг.), очень немногие читатели сего документа, если таковые вообще имелись, пробовали ответить на этот вопрос. По меньшей мере пять рукописных копий утерянного оригинала ходили по рукам в течение почти двух веков после смерти его автора, причем печатные версии появились в 1801 и 1913 годах. Сокращенный английский

перевод издания 1913 года был опубликован в 1928 году, за ним последовали простые факсимиле двух немецких изданий, выпущенных мелкими тиражами⁴.

Моя первая встреча с дневником Майстера Франца произошла несколько лет назад в краеведческом отделе книжного магазина в Нюрнберге. Хотя это и не так драматично, как, скажем, обнаружение давно утерянной рукописи в запечатанном хранилище, которое открывается лишь после того, как вы решите серию древних загадок, тем не менее это был момент озарения. Сама мысль о том, что профессиональный палач, живший четыре века назад, мог быть вполне грамотным, не говоря уже о том, чтобы оказаться каким-то образом мотивированным записывать в таком виде свои мысли и поступки, поразила меня глубиной открывшейся перспективы. Как могло случиться, что никто до сих пор не использовал всерьез этот удивительный источник для восстановления картины жизни его автора и мира, в котором он жил? В моих руках была потрясающая история, затерянная на задних полках среди антикварных диковинок, и она настойчиво просила, чтобы ее рассказали.

Я купил тонкий том, принес его домой и еще перед тем, как прочесть, сделал несколько важных открытий. Во-первых, Франц Шмидт никоим образом не был уникален среди палачей в стремлении вести хронику своей жизни, хотя он и остается непревзойденным для своей эпохи как по охвату времени, так и по деталям, воспроизведенным в записях. В то время как большинство немецких мужчин той поры оставались неграмотными, некоторые палачи, современники Майстера Франца, умели писать достаточно хорошо, чтобы сохранить простые, формальные списки казней, ряд которых дошел

и до наших дней⁵. К началу нашей эпохи мемуары палача стали популярным жанром. Наиболее известными из них являются хроники семьи Сансонов, династии палачей, господствовавшей в Париже с середины XVII до середины XIX веков. Последующая отмена смертной казни в Европе вызвала целую волну мемуаров «последних из палачей», публикация которых увенчалась несколькими бестселлерами⁶.

Тем более столь длительное забвение этой интереснейшей фигуры казалось необъяснимым, пока я внимательно не изучил дневник и не сделал еще одно открытие, объяснявшее загадочный факт. Хотя Майстер Франц, бесспорно, мастерски живописует портреты разнообразных преступников, с которыми ему довелось работать, самого себя он постоянно держит на заднем плане, оставаясь затененным и молчаливым наблюдателем, несмотря на свою ключевую роль в большинстве описываемых событий. В этом отношении документ читается не столько как дневник в современном понимании этого слова, а, скорее, как хроника профессиональной жизни. Его 621 запись, каждая длиной от нескольких строк до нескольких страниц, действительно идут в хронологическом порядке, но в форме двух списков, первый из которых перечисляет все смертные приговоры, приведенные Майстером Францем в исполнение с 1573 года, а второй охватывает все телесные наказания, которые он произвел начиная с 1578 года — порки, клеймения, рубки пальцев, ушей, языков. Каждая запись содержит имя, профессию и родной город приговоренного, а также рассмотренные судом преступления, вид наказания и место, где оно было исполнено. Со временем Майстер Франц начал добавлять справочного характера о виновных и их жертвах, более подробно

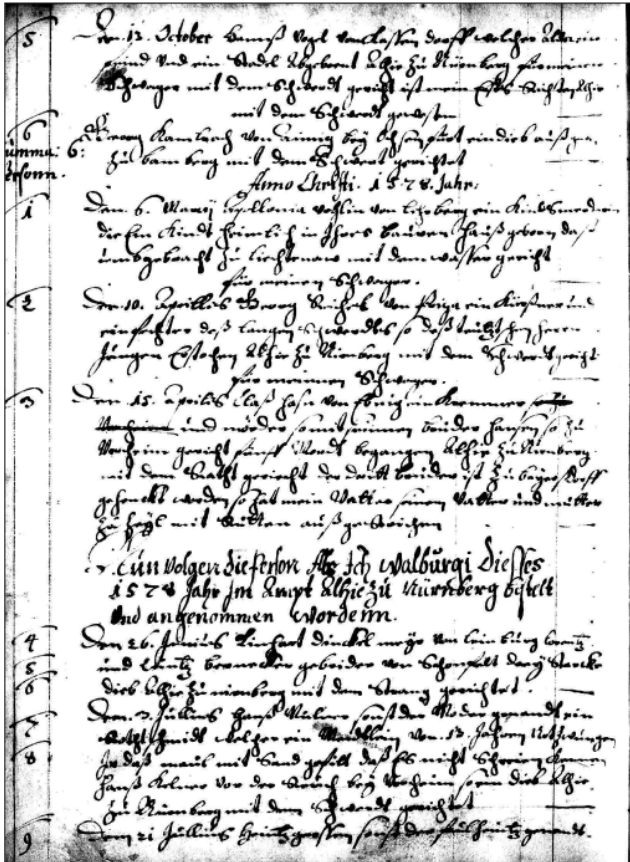
описывать преступления и былые провинности, а также последние часы и моменты перед казнью. Несколько десятков наиболее длинных записей предоставляют нам еще больше сведений о преступниках и даже воссоздают ключевые сцены с красочными описаниями, а иногда и с фрагментами диалогов.

Многие историки вообще не считают записи Шмидта эго-документом, — то есть источником информации, таким как дневник или личная переписка, — который можно использовать в качестве свидетельства мыслей, чувств и внутренней борьбы человека. В них нет упоминаний о нравственных кризисах, вызванных длительными пытками, нет пространных философских размышлений о справедливости, отсутствуют любые, даже краткие, суждения о смысле жизни. В дневнике вообще поразительно мало упоминаний о самом себе. За 45 лет работы Шмидт употребляет слова «я» и «мой» всего по 15 раз каждое, а слово «мне» — и того один раз. При этом в большинстве случаев речь идет о профессиональных вехах (например, «*моя первая казнь мечом*») без выражения мнения или эмоций, а в остальных местах слова использованы как произвольные вставки (например, «*я выгнал ее из города три года назад*»)⁷. Примечательно, что «*мой отец*» и «*мой зять*», оба его коллеги, появляются лишь три раза в профессиональном контексте. В дневнике вообще не упоминаются ни жена Шмидта, ни семеро его детей, ни многочисленные знакомые, что неудивительно, учитывая направленность документа. Но также в нем нет ни слова о кровном родстве или иной близости с жертвами, многие из которых были лично знакомы палачу, включая его второго зятя, печально известного разбойника⁸. Он не делает никаких явных религиозных

заявлений и в целом редко использует язык нравочений. Как мог такой старательно обезличенный документ дать хоть какое-нибудь понимание жизни и мыслей его автора? Я решил, что главной причиной, по которой никто еще не использовал журнал Майстера Франца в качестве биографического ресурса, служит тот факт, что в нем не хватает самого Майстера Франца⁹.

Мой проект тоже был бы обречен на провал, если бы не два важных открытия. Первое случилось через несколько лет после моего знакомства с Майстером Францем, когда я обнаружил в городской библиотеке Нюрнберга более старую и точную рукописную копию дневника, чем любая из использованных ранее. В то время как редакторы двух предыдущих опубликованных изданий работали с копиями конца XVII века, обе из которых были переработаны переписчиками эпохи барокко для большей читаемости, этот биографический портрет опирается на копию 1634 года — года смерти самого Шмидта¹⁰. Некоторые изменения, внесенные в более поздние версии, несущественны и касаются написания отдельных слов, нумерации записей, упрощающей систему сносок, небольших расхождений в датах, синтаксических улучшений и добавленной пунктуации. (В версии 1634 года пунктуации просто нет, и вполне вероятно, что Шмидт, как и большинство авторов его уровня образованности, в оригинале не использовал ее вовсе.) Однако многие расхождения оказались значительными. В некоторых версиях опущены целые предложения, зато добавлены нравочительные строки, а также разные детали, взятые из городских хроник Нюрнберга и материалов дел. Эти более поздние версии-подделки сделали дневник привлекательнее для буржуазии Нюрнберга XVIII века, среди которой его

ограниченный тираж распространялся в частном порядке. Но в то же время они лишили дневник особого голоса Майстера Франца и, следовательно, присутствия его личности. В частности, последние пять лет дневника в более поздних изданиях радикально расходятся с версией

Страница копии дневника Франца Шмидта 1634 года, самой старой из сохранившихся версий, которая находится в Городской библиотеке Нюрнберга. Нумерация казней в левом поле, вероятно, была добавлена переписчиком

1634 года, оставляя нетронутыми лишь несколько записей, опуская имена большинства преступников, а также подробности их преступлений. В целом как минимум четверть старого текста в той или иной степени отличается от более поздних версий.

Наиболее интересное и важное отличие проявляется в самом начале дневника. В изданиях 1801 и 1913 годов Франц предвваряет текст сообщением, что он *«начат для моего отца в Бамберге в 1573 году»*. В версии, использованной для этой книги, молодой палач вместо этого пишет: *«Год от Рождества Христова 1573-й: далее перечислены люди, коих я казнил для своего отца Генриха Шмидта в Бамберге»*. Различие, на первый взгляд едва заметное, в действительности проливает свет на самый труднодостижимый вопрос, касающийся всего дневника: зачем Франц Шмидт вообще его вел? Формулировка в более поздних копиях предполагает скорее отцовское повеление, чем посвящение ему; создается впечатление, будто старший Шмидт требует, чтобы его сын-подмастерье начинал создавать нечто вроде профессионального резюме для потенциальных работодателей. Но ранняя версия дневника указывает, что Франц имеет в виду пять лет казней, которые он совершал под началом отца, а вовсе не записи в журнале. Далее в тексте этой версии сообщается, что дневник был создан не в 1573 году, а в 1578 году, когда Шмидта назначили в Нюрнберг. Оглядываясь назад, 24-летний Франц может припомнить только казни за предыдущие пять лет и опускает все исполненные им телесные наказания, заявляя: *«Я более не помню, каких людей я наказывал так в Бамберге»*.

Это открытие сразу же вызвало несколько новых вопросов, в частности: если Франц Шмидт начал писать

не для своего отца в 1573 году, то для кого он на самом деле это делал и почему? Весьма сомнительно, чтобы дневник предназначался для последующей публикации, особенно учитывая схематичность большинства записей за первые 20 лет. Возможно, автор предполагал, что в итоге текст может быть распространен в рукописных копиях — как это и случилось на самом деле, — но опять же казни ранних лет описаны куда менее подробно (и увлекательно), чем в иных сопоставимых городских хрониках, и в целом читаются скорее как бухгалтерская книга, а не как литературный текст. Возможно, дневник никогда не был предназначен для кого-либо, кроме самого автора, но тогда возникают вопросы: почему он его начал, как это связано с назначением в качестве постоянного палача Нюрнберга в 1578 году, а также почему он старательно избегал в нем проявлений своей личности?

Вторым ключом, открывающим тайну дневника Франца Шмидта, стал трогательный документ последних лет его жизни, который сейчас хранится в Австрийском государственном архиве в Вене. Отдав всю свою жизнь профессии, которая повсеместно презиралась и даже официально называлась «постыдной», 70-летний палач в отставке обратился к самому императору Фердинанду II с просьбой восстановить доброе имя его семьи. Прошение четко сформулировано и составлено профессиональным нотариусом, но проступающие в тексте чувства носят очень личный характер, порой на удивление интимный. Пожилой Франц рассказывает историю о том, как его семья была несправедливо втянута в эту постыдную профессию, а также о своей решимости на протяжении всей жизни избежать той же участи для собственных сыновей. Документ на 13 страницах включает имена выдающихся

граждан, излеченных Шмидтом, который практиковал как знахарь и целитель — чрезвычайно распространенное занятие среди палачей, — а также приводит слова восторженного одобрения членов городского совета Нюрнберга, бывших его работодателями в течение четырех десятилетий. В прошении они утверждали, что долгое служение Шмидта городу и его личная честность были «образцовыми», и призывали императора восстановить честь семьи.

Возможно ли, что сам городской совет был целевой аудиторией дневника с самого начала, что восстановление чести было руководящим мотивом Шмидта? Если так, то он, вероятно, был первым, но едва ли последним немецким палачом, использовавшим такую стратегию¹¹. Перечитывая записи Майстера Франца сквозь призму этого основополагающего мотива, я вдруг увидел, как мыслящий и чувствующий автор постепенно проступает в, казалось бы, обезличенном свидетельстве. Стали заметны повторяющиеся тематические и языковые паттерны; противоречивость и переменчивость стиля оказывались все более значимыми; развивающиеся представления о своей идентичности проявлялись все отчетливее. Это был автор, незаинтересованный в самораскрытии и все же непреднамеренно раскрывавший свое мышление и чувства практически в каждой записи. Сама субъективность, которую поздние переписчики невольно вычеркнули, дала возможность раскрыть авторские антипатии, страхи, предрассудки и идеалы. Проявились четкие границы понятий жестокости, справедливости, долга, чести и личной ответственности, которые сложились на материале всего дневника в общую картину, давая целостное представление о мировоззрении его автора. В документе отразились

нравственные идеалы, а сама его композиция стала свидетельством упорной, длившейся всю жизнь борьбы автора за восстановление чести.

Цельная личность, проступающая в процессе чтения этого текста, дополненного обширными архивными источниками, далека от стереотипа о бесчувственном изверге, созданного беллетристикой. Вместо этого мы сталкиваемся с набожным, скромным семьянином, отвергнутым тем не менее респектабельным обществом, которому он служит, вынужденным проводить большую часть своего времени с осужденными преступниками и жестокими охранниками, которые ему помогают¹². Несмотря на то что много лет палач, по сути, был изолирован от социума, парадоксальным образом он демонстрирует высокий уровень социального интеллекта, который одновременно сделал возможными его выдающиеся профессиональные успехи и свел на нет клеймо, поставленное на нем обществом. Благодаря широкому хронологическому охвату дневника мы являемся свидетелями литературной и философской эволюции малообразованного самоучки, чьи записи развиваются от лаконичных отчетов до настоящих новелл, и в процессе чтения перед нами все больше раскрывается врожденное любопытство их автора — особенно в вопросах медицины, — а также его представления о нравственности. Несмотря на постоянное воздействие всей гаммы человеческой жестокости и на ужасающее насилие, которое регулярно применял он сам, этот несомненно искренний и религиозный человек, кажется, никогда не колеблется в своей вере в окончательное прощение и искупление для тех, кто его ищет. Прежде всего мы видим профессиональную и личную жизнь человека, одновременно испытывающего горечь в отношении прошлых и настоящих

несправедливостей и в то же время питающего несокрушимую надежду на будущее.

Книга, которая появилась в результате этих изысканий, содержит две переплетающиеся истории. Первая — это история человека по имени Франц Шмидт. Начиная с рождения в семье палача в 1554 году, мы проходим с ним через ученичество у отца вплоть до первых поездок в качестве палача-подмастерья. Далее, перемещаясь по его собственному тексту (всегда обозначаемому здесь курсивом) и воссоздавая окружающий исторический мир, мы знакомимся с необходимыми профессиональному палачу навыками, непростым социальным статусом и первыми опытами саморазвития. По мере взросления Франца мы получаем представление о правовых и социальных структурах Нюрнберга раннего Нового времени, о неустанных попытках палача средних лет продвигаться в социальном и профессиональном плане и о принятых им концепциях справедливости, порядка и респектабельности. Мы знакомимся с его молодой женой, а впоследствии и растущей семьей, с разномастным кругом преступников и блюстителей закона. Наконец, мы становимся свидетелями того, как на склоне лет в нем расцветают две доминирующие идентичности — моралиста и целителя. Этот процесс исторического погружения приоткрывает нам внутренний мир профессионального мучителя и убийцы. Достижения его последних лет отравлены горечью разочарований и личной трагедии, но нестигаемое стремление к чести само по себе остается предметом удивления и даже восхищения.

Однако в основе этой книги лежит другое повествование — размышление о человеческой природе и общественном прогрессе, если таковой вообще существует.

Какие принципы и соображения сделали судебное насилие — пытки и публичные казни, которые регулярно проводил Майстер Франц, — приемлемым для него и его современников, но в то же время отвратительным для нас, в наше время? Как и почему такие ментальные и социальные структуры овладевают нами и как они меняются? Конечно, европейцы раннего Нового времени не обладали монополией ни на человеческое насилие или жестокость, ни на индивидуальное или коллективное возмездие. Если судить по показателям убийств, мир Франца Шмидта был менее кровавым, чем мир его средневековых предшественников, но более жестоким, чем, скажем, современные США (немалое достижение)¹³. С другой стороны, что касается насилия со стороны государства, то смертная казнь и частые военные грабежи всех домодерных обществ меркнут по сравнению с мировыми войнами, политическими чистками и геноцидами XX века. Продолжающаяся во многих регионах мира практика судебных пыток и публичных казней подчеркивает нашу неразрывную связь с «более примитивными» обществами прошлого, а также непрочность социальных преобразований, которые якобы отделяют нас от них. Действительно ли смертной казни суждено исчезнуть повсеместно или же стремление к возмездию слишком глубоко коренится в самой ткани нашего существа?

О чем думал Майстер Франц? Что бы мы о нем ни узнали, праведный палач из Нюрнберга всегда будет оставаться одновременно далекой и в то же время близкой для нас фигурой. Бывает сложно понять самого себя и хорошо знакомых людей — что уж говорить о профессиональном убийце из другого времени и чужой местности. Как и во всякой биографии, откровения его дневника

Единственный достоверный портрет Франца Шмидта, который сохранился до наших дней, нарисован нюрнбергским нотариусом с художественными склонностями на полях свода смертных приговоров. Во время этого события, обезглавливания Ганса Фрешеля 18 мая 1591 года, Мастеру Францу было около 37 лет

и других исторических источников неизбежно оставляют многие вопросы без ответов. Знаменательно, что на единственном прижизненном изображении Шмидта, которое можно считать достоверным, непреклонный палач изображен отвернувшимся от нас. Но вместе с тем, прилагая усилия, чтобы лучше понять Франца Шмидта и его мир, мы достигаем такой степени самоузнавания и сочувствия, которая не смогла бы возникнуть даже от прямого общения с этим профессиональным мучителем и палачом. История Мастера Франца из Нюрнберга во многих отношениях является увлекательным путешествием в ту далекую эпоху, но также это история и нашего времени, нашего мира.

Примечания о принципах оформления

Цитаты из Франца Шмидта

Все прямые цитаты из дневника Шмидта выделены курсивом и являются моими собственными переводами копии его дневника 1634 года и прошения 1624 года о восстановлении чести.

Имена

Правописание имен в начале Нового времени еще не было стандартизировано, и Майстер Франц, как и другие авторы, часто писал одни и те же имена по-разному, иногда в одном и том же отрывке. Я модернизировал названия городов и других мест, а также большинство имен. В фамилиях сохранена орфография раннего Нового времени, хотя и в стандартизированном виде во избежание путаницы. Я также сохранил женские фамилии в присущей тому времени форме, с характерным эпизодическим изменением гласной в предпоследнем слоге и обязательным добавлением суффикса «-ин» в конце. Например, жена Георга Видмана становится Маргаритой Видманин или Видменин, а жена Ганса Кригера — Магдалиной Кригерин или Кригин и так далее. Народные псевдонимы и прозвища были переведены с тогдашнего уличного сленга (известного как *gotwelsch*) с помощью их современных эквивалентов в американском английском, что, конечно, означает некоторую художественную вольность автора.

Валюта

В начале раннего Нового времени в немецких землях находилось в обращении много местных, общеимперских и иностранных монет, причем обменные курсы часто менялись. Для охвата и сравнения я указываю приблизи-

тельный эквивалент каждой суммы во флоринах (они же гульдены) по наибольшему курсу. В этот период домашний слуга или городской стражник могли зарабатывать от 10 до 15 гульденов в год, школьный учитель — 60, а муниципальный юрист — 300 или 400 гульденов. Буханка хлеба стоила 4 пенса (0,03 флорина), литр вина — около 30 пенсов (0,25 флорина), а годовая аренда жилья в трущобах — в районе 6 флоринов. Примерные эквиваленты следующие: 1 гульден (флорин) = 0,85 талера = 4 «старых» фунта = 15 батценов = 20 шиллингов = 60 крейцеров = 120 пенсов = 240 геллеров.

Даты

Григорианский календарь был введен в немецких католических землях в основном в период 1582–1584 годов, но не был принят в большинстве протестантских государств до 1 марта 1700 года или позже. Поэтому в рассматриваемый период имелось расхождение в 10 дней, а позднее — в 11 между протестантскими территориями, такими как Нюрнберг, и католическими государствами, такими как принц-епископство Бамберг (например, 13 июня 1634 года в Нюрнберге было 23 июня 1634 года в Бамберге). Современники при этом иногда писали: «13/23 июня 1634 года». Я использую календарь Нюрнберга на протяжении всей книги.

I

Ученик

Отец, который не озаботился тем, чтобы с самых ранних лет дать сыну превосходное образование, не может именоваться человеком или имеющим отношение к человеческой природе.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. *О воспитании детей*¹

Ценность и достоинство человека заключены в его сердце и в его воле; именно здесь — основа его подлинной чести.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ. *Опыты. Кн. 1, гл. XXXI.*

*О каннибалах*²

Соседи в Бамберге уже привыкли к еженедельному ритуалу, который Майстер Генрих Шмидт проводил на заднем дворе своего дома, и потому спешили по своим делам, не проявляя к происходящему особого интереса. Большинство из них были в добрых отношениях со Шмидтом, новым палачом князя-епископа, но слегка опасались приглашать в гости его самого или членов его семьи. Франц, сын Генриха, который в этот майский день 1573 года оказался в центре отеческого внимания, производил впечатление учтивого и, если можно так выразиться об отпрыске палача, благовоспитанного 19-летнего молодого человека. Как и многие подростки

того времени, он планировал следовать по стопам отца, ремесло которого начал осваивать еще в возрасте 11 или 12 лет. Детство и юность Франца прошли в его родном Хофе, небольшом провинциальном городке на северо-востоке нынешней Баварии, в 16 километрах от ее современной границы с Чехией. После переезда семьи в Бамберг восемь месяцев назад он уже побывал с отцом на нескольких казнях в городе и близлежащих деревнях, изучая секреты мастерства и помогая по мелочам. Когда он подрос и возмужал, его обязанности и навыки выросли вместе с ним. Ведь в конечном счете он намеревался стать, как и его отец, мастером «особого допроса», или пыток, и искусства эффективного отделения приговоренных душ от тел в установленном законом порядке и при помощи целого арсенала методов — от обычного *повешения* и чуть менее популярных сожжения и утопления до постыдных и весьма диковинных *потрошения* и *четвертования*.

Сегодня Майстер Генрих испытывал Франца в самой трудной, но и самой почетной из всех форм казни — *смерти от меча*, или обезглавливании. Лишь год назад отец признал сына достойным того, чтобы держать в руках нежно любимый им «меч справедливости» — гравированное, искусно изготовленное оружие весом в семь фунтов, большую часть времени занимавшее свое почетное место над очагом. Вот уже несколько месяцев как они практиковались сперва на обыкновенных тыквах и тыквах-горлянках, а после на жилистых стеблях ревеня, по своей плотности приближавшихся к человеческой шее. Первые попытки Франца были предсказуемо неуклюжими, а порой даже опасными для него самого и отца, который крепко удерживал руками стебли — точно так же,

как проделывал это с *бедными грешниками*. Спустя считанные недели движения Франца обрели плавность и точность, и Майстер Генрих счел, что настала пора перейти на следующий уровень подготовки — к козам, свиньям и прочему «бездушному» скоту.

Как раз сегодня по его просьбе местный живодер отловил несколько бродячих псов и доставил обветшалые деревянные клетки палачу на дом, в самый центр города. Хозяин дома заплатил за услугу, после чего перетащил клетки на задний двор, где его уже ждал сын. Кроме отца, рядом не было никого, но Франц ощутимо нервничал. В конце концов, тыквы не двигались и даже свиньи почти не сопротивлялись. Возможно, он даже испытал нечто вроде угрызений совести, готовясь к убийству невинных животных, хотя, конечно, эпоха не располагала к такого рода нежностям³. Да и важнее всего для Франца был тот факт, что, успешно обезглавив собак, каждую — одним решительным и точным ударом, он закончит свое ученичество и с одобрения отца будет готов предстать перед миром как подмастерье палача. Майстер Генрих привычно сыграл роль ассистента — первая из собак ощутила его мертвую хватку и завывала, покуда Франц принаравливался, покрепче сжимая меч⁴.

Опасный мир

Страх и тревога вплетены в самую ткань человеческого существования. В этом смысле они являются нитью, связующей нас сквозь века. Однако мир Генриха Шмидта и его сына Франца отличался гораздо большей личной незащищенностью, чем сочло бы приемлемым современное развитое общество. Враждебные силы природы и проявления

сверхъестественного, таинственные и неумолимые эпидемии, ожесточенные и злобные люди, случайные пожары и умышленные поджоги — все это неотступно преследовало людей раннего Нового времени и в повседневной жизни, и в воображении. Возникшая в результате всеобщая атмосфера опасения за свою жизнь, быть может, и не объясняет полностью жестокость судебных институтов той эпохи, но позволяет почувствовать контекст, в котором исполнители воли этих институтов, такие как палач Шмидт, могли вызывать смешанное чувство благодарности и отвращения у своих современников⁵.

Хрупкость жизни бросалась в глаза с самого ее начала. На каждые три беременности приходилось по одному выкидышу или мертворождению, но, даже пройдя этот отбор, Франц Шмидт имел лишь 50-процентный шанс дожить до своего 12-летия. Кроме того, роды представляли реальный риск для матери: каждая 20-я умирала в течение семи недель после родов, что намного чаще, чем в самых бедных развивающихся странах сегодня. Первые два года жизни ребенка были наиболее опасными, так как постоянные вспышки оспы, тифа и дизентерии оказывались наиболее губительными для самых юных жертв. Большинство родителей на собственном опыте пережили смерть по крайней мере одного ребенка, а большинство детей — смерть родного брата или сестры и одного или обоих родителей⁶.

Среди распространенных причин преждевременной смерти были бесчисленные эпидемии, выкашивающие целые города и деревни. Подавляющая часть людей, достигших 50 лет, пережила как минимум полдюжины вспышек различных смертельных инфекций. Крупные города вроде Нюрнберга и Аугсбурга могли потерять от трети

до половины своего населения в течение года или двух, пока полыхала очередная тяжелая эпидемия. Наиболее устрашающей, хотя и не самой смертоносной, болезнью была чума. Вспышки чумы особенно участились в Центральной Европе как раз при жизни Франца Шмидта и происходили чаще, чем в любое иное время и в любом ином месте европейской истории с момента первой эпидемии Черной смерти середины четырнадцатого столетия. Их длительность и сила были непредсказуемы⁷. Травмирующие воспоминания и опыт выживших людей породили общий укорененный в культуре страх перед любой инфекцией, что еще больше подчеркивало хрупкость человеческой жизни и степень индивидуальной уязвимости.

Наводнения, неурожай и голод также случались с небольшими, но каждый раз непредсказуемыми интервалами. Семье Шмидтов выпало особое несчастье жить в самые тяжелые годы эпохи, известной нам как Малый ледниковый период (ок. 1400–1700 гг.), когда глобальное падение среднегодовых температур привело к затяжным суровым зимам и более прохладному и влажному лету, особенно в Северной Европе. При жизни Франца Шмидта его родная Франкония увидела куда больше снега и дождя, чем в предыдущие годы; как результат — затопленные поля и сгнившие на корню посевы. В эти годы часто не хватало теплых месяцев для созревания винограда и приходилось довольствоваться кислым вином. Урожай был так мал, что люди и скот обрекались на болезни и голодную смерть. Даже популяции диких животных резко сократились, в результате чего волчьи стаи все больше обращали свое внимание на людей как на добычу. Нехватка продуктов питания привела к обесцениванию денег, и, столкнувшись с голодом, многие бывшие законопослушные граждане

занялись браконьерством и воровством, дабы прокормить себя и свои семьи⁸.

Пытаясь выжить под гнетом неподконтрольных им природных сил, современники Франца Шмидта были вынуждены бороться и с представителями своего вида — вездесущими разбойниками, солдатами и прочим беззаконным людом, который свободно бродил по земле. Большинство территориальных владений, включая Бамбергское княжество-епископство и имперский город Нюрнберг, состояли в основном из девственных лесов и обширных лугов, усеянных крошечными деревнями, нескольких городов в 1000–2000 человек и одной относительно крупной метрополии. Без защиты городских стен или бдительных соседей изолированный сельский дом или мельница полностью зависели от нескольких, пусть и сильных, но, как правило, плохо вооруженных людей. Ни широкие, по тем временам, тракты, ни проселочные дороги не были безопасны. Все дороги и леса в непосредственной близости от города, а также приграничные территории представляли особенную угрозу для путника. Именно здесь он мог стать жертвой разбойников и их злобных главарей, таких как Кунц Шотт, который не только избивал и грабил, но и коллекционировал отрубленные руки граждан Нюрнберга — города, который провозгласил своим личным врагом⁹.

В действительности крупнейшее германское государство того времени, как подметил остроумно Вольтер, не было «ни священной, ни римской, ни империей». На деле ответственность за правопорядок была поделена между более чем 300 государствами — членами этой «империи», размер которых варьировал от баронского замка с прилегающей деревней до обширных территориальных